

УДК 940.53(476)

Повседневные практики городского населения Беларуси в условиях нацистской оккупации

Гребень Е.А.

Учреждение образования «Белорусский государственный аграрный технический университет»

Несмотря на то, что нацистский оккупационный режим в Беларуси традиционно находится в фокусе внимания отечественных ученых, до настоящего времени недостаточно исследованы повседневные практики граждан, направленные на выживание в экстремальной ситуации.

Цель работы – определение причин некоторых повседневных практик городского населения Беларуси в условиях нацистской оккупации.

Материал и методы. *Статья подготовлена на основе документов Могилевского городского управления (постановления бургомистра, юридического бюро, решения мирового суда по апелляциям граждан относительно судебных вердиктов), хранящихся в Государственном архиве Могилевской области.*

Результаты и их обсуждение. *Анализ архивных источников показывает, что в экстремальной ситуации нацистской оккупации гражданское население Беларуси выработало ряд типичных повседневных практик, направленных на выживание (игнорирование распоряжений оккупационных властей, девиантное поведение).*

Заключение. *В условиях нацистской оккупации гражданское население Беларуси вынуждено было приспособиться к новым социально-политическим условиям. Одни вспоминали свои старые навыки и занимались ремеслом, другие, при утрате традиционных средств к существованию, торговали. В условиях чужой власти они не считали зазорным власть обманывать путем неуплаты налогов, игнорирования патентов и запретов. Стали распространяться элементы девиантного поведения, не характерные для большинства граждан в нормальной и обычной жизненной ситуации. Тяжелые жизненные условия, психологические стрессы, боязнь за жизнь своих детей и родственников способствовали бытовым конфликтам.*

Ключевые слова: война, нацистская оккупация, повседневные практики, выживание.

(Ученые записки. – 2015. – Том 20. – С. 42–48)

Daily Practice of Urban Population of Belarus under Nazi Occupation

Greben E.A.

Educational Establishment «Belarusian State Agrarian Technical University»

Despite the fact that the Nazi occupation regime in Belarus is traditionally the focus of attention for Belarusian researchers, citizens' everyday practices aimed at surviving in the extreme situation have not yet been sufficiently explored.

The aim of the article is to determine the causes of some everyday practices of the urban population of Belarus under the Nazi occupation.

Material and methods. *This article was prepared on the basis of documents of Mogilev City Administration (mayor decrees, decrees by the law office, decisions of the magistrate's court of appeals of citizens concerning the judicial verdicts) stored in the State Archives of Mogilev Region.*

Findings and their discussion. *The analysis of archival sources reveals that in the extreme situation of the Nazi occupation the civilian population in Belarus has developed a number of typical everyday practices aimed at survival (ignoring the orders of the occupation authorities, deviant behavior).*

Conclusion. *Under the Nazi occupation the civilian population of Belarus was forced to adapt to new sociopolitical conditions. Some recalled their old skills and started crafting businesses, others with the loss of traditional livelihoods, began to engage themselves in trade. In the context of the foreign power, they did not consider it shameful to deceive authorities by tax evasion, ignoring patents and prohibitions. Elements of deviant behavior, which were not typical of the majority of citizens in the normal and ordinary situations, began to spread. Hard living conditions, psychological stress, fear for the lives of their children and relatives contributed to domestic conflicts.*

Key words: war, the Nazi occupation, daily practices, survival.

(Scientific notes. – 2015. – Vol. 20. – P. 42–48)

Адрес для корреспонденции: e-mail: greben.evgenij@gmail.com – Е.А. Гребень

Нацистский оккупационный режим в Беларуси традиционно находится в фокусе внимания отечественных исследователей. В то же время в новейших фундаментальных изданиях не отражены повседневные практики граждан в условиях оккупации, которые позволяют увидеть влияние оккупационного режима на жизнь и быт человека [1–2].

Цель работы – определение причин некоторых повседневных практик городского населения Беларуси в условиях нацистской оккупации на примере г. Могилева.

Материал и методы. Статья подготовлена на основе документов Могилевского городского управления (постановления бургомистра, юридического бюро, решения мирового суда по апелляциям граждан относительно судебных вердиктов), хранящихся в Государственном архиве Могилевской области. Источники характеризуют социально-экономическую ситуацию и специфические практики, применяемые гражданами в условиях нацистской оккупации. Используются историко-описательный, историко-системный методы, которые позволили реконструировать повседневные практики горожан в условиях оккупации.

Результаты и их обсуждение. В экстремальной ситуации нацистской оккупации городское население Беларуси выработало ряд типичных повседневных практик, направленных на выживание. Одной из них в период оккупации являлась торговля. В условиях мизерных продуктовых норм по карточкам, острой нехватки промышленных товаров многие горожане вынужденно оказывались вовлеченными в торговые операции. Несмотря на регламентацию оккупационными властями порядка торговли, многие участники торговых операций стремились выйти за рамки ограничений или обмануть власти с целью обеспечить выживание. Распространенными практиками являлись торговля без патента и обменная торговля, при помощи которой гражданам было легче и быстрее приобрести нужный товар. Инспектор уголовного розыска Могилевской полиции 30.11.1941 г. задержал на Быховском рынке гражданина, обвиняемого в спекуляции и обменной торговле. Задержанный продавал махорку по цене 15 руб. за пачку; 14 пачек махорки он накануне обменял на старые сапоги, намереваясь, таким образом, заработать 600 руб. [3, л. 4]. Ассессор городского управления 29.11.1941 г. задержал

на рынке гражданина, продававшего металлическую печку, как кустаря, не имеющего патента. Гражданин вину не признал и был оштрафован на 200 руб. [3, д. 54, л. 2, 2 об., 4–5]. В ноябре 1941 г. ассессором городского управления на рынке был задержан полицейский за реализацию картофеля на обмен [3, д. 52, л. 2–3 об.]. В декабре 1941 г. жительница Могилева была задержана на базаре за попытку обменять махорку и спички на сапоги и часы, за что была оштрафована на 800 руб., предметы обмена были конфискованы [3, д. 23, л. 9–13].

Торговля хлебом теоретически являлась государственной монополией, поскольку оккупационные власти жестко контролировали использование этого стратегического ресурса. В то же время конкуренцию государству составляли частные лица, что было не типично на фоне дефицита и дороговизны зерна и муки. Возможно, еще оставались довоенные запасы или выменянное у крестьян зерно продавалось в виде печеного хлеба, что было намного выгоднее. Медико-санитарный отдел городского управления в докладной записке бургомистру от 3.08.1942 г. отмечал увеличение количества печеного хлеба, продаваемого гражданами на Быховском рынке. Причем торговцы не имели ни патента, ни разрешения на продажу, и контролировать его качество санитарная служба не могла. Имел место случай отравления хлебом, купленным на рынке. Бактериологический анализ продаваемого на рынке хлеба выявил содержание большого количества бактерий, в частности, кишечной палочки. В итоге предлагалось запретить продавать хлеб с рук, но при этом разрешить открыть частные пекарни или хотя бы упорядочить торговлю и контролировать качество хлеба [4, л. 51].

Вопреки существующему санитарному законодательству торговцы игнорировали записи, сделанные санитарной службой в специальном санитарном журнале. По инициативе городского санитарного врача владельцы пунктов общественного питания периодически штрафовались за антисанитарное состояние и игнорирование предыдущих записей в санитарных журналах [4, л. 4, 50]. При осмотре санитарным врачом закусочной по ул. Быховской, 6 12.09.1942 г. было зафиксировано антисанитарное состояние кухни, персонал обслуживал посетителей без халатов, санитарный журнал велся неаккуратно. Владельца приговорили к штрафу в 100 руб. и предупредили его и владельцев других закусочных

о том, что, в случае дальнейших нарушений, закусочные будут закрыты [5, л. 24].

Нарушали порядок торговли или использовали служебное положение в своих корыстных интересах и сами сотрудники местной администрации. Контролеру-ревизору финансового отдела совместно с представителем продовольственно-торгового отдела городского управления было поручено провести внезапную проверку взимания сборов по Быховскому рынку. В ходе проверки за период с 4.05 по 14.07.1942 г. была установлена нехватка денег у коменданта рынка, собранные деньги не сдавались ежедневно, учет средств велся с нарушениями, некоторые торговцы не имели квитанции об уплате сборов [6, л. 2, 13].

На фоне массовых нарушений порядка торговли и ремесленной деятельности контролировались сотрудники государственных учреждений. Местная администрация проводила мониторинг на предмет того, занимаются ли они ремесленной деятельностью на дому помимо основной работы. Налоговый инспектор городского управления 10.05.1944 г. составил акт по итогам обследования работы мастера сапожника, работавшего при воинской части. Соседи дали показания, что гражданин сапожным ремеслом на дому не занимался, за исключением мелкого ремонта обуви для своей семьи [6, д. 207, л. 27].

В условиях товарного дефицита распространенным правонарушением было производство самогона. В марте 1942 г. в Могилеве на рынке была задержана жительница Быховского района, торговавшая самогоном. Свидетели утверждали, что гражданка продавала самогон систематически. Очевидно, производя самогон в сельской местности, женщина привозила его в город, где данный товар пользовался спросом и легко реализовывался по высокой цене, обеспечивая регулярный доход [3, д. 249, л. 3]. Тогда же следователь полиции рассмотрел дело по обвинению гражданки в незаконном хранении самогонного аппарата (уликой стала найденная брага). Обвиняемая вину отрицала, невиновность ее подтверждал допрошенный в качестве свидетеля квартирант, показавший, что найдена не брага, а растворенные в ведре мука и картошка – пойло для свиней. Очевидно, факт самогонного аппарата доказать не удалось, поэтому штраф за незаконное хранение аппарата составил всего

100 руб. [3, д. 222, л. 8, 10–11]. 8.10.1942 г. городской голова рассмотрел присланные фельдкомендатурой материалы об обнаружении у гражданина 3 л самогона, браги и самогонного аппарата, которые изъяла у него фельджандармерия. Мужчина заявил, что произвел самогон для угощения гостей на предстоящих крестинах, хотя и знал о запрете самогонного аппарата как доказательство того, что производством самогона гражданин занимался как промыслом, классифицировал данное правонарушение как наиболее злостное, поскольку на производство самогона расходуется много зерна, и приговорил нарушителя к месяцу принудительных работ и 300 руб. штрафа с заменой на 1,5 месяца ареста в случае неуплаты [5, л. 148]. Инспектор и бургомистр Могилева, проверявшие 4.09.1943 г. павильон на Быховском рынке, составили акт на гражданку по факту самогонного аппарата. Постановлением бургомистра от 7.09.1943 г. она была оштрафована на 2000 руб. за продажу самогона [7, л. 118, 122]. В другом случае 9.07.1943 г. участковый надзиратель 9-го жилищного участка после обнаружения факта самогонного аппарата изъял у гражданина самогонный аппарат и бочку браги. Начальник управления полиции предложил бургомистру оштрафовать нарушителя [7, л. 12–13].

Сотрудники местной администрации и полиции порой не только не препятствовали, но и способствовали производству самогона. Последние могли лишь изредка получать алкогольную продукцию, что вынуждало их не просто закрывать глаза на самогонное производство, но часто вымогать самогон у граждан или принуждать к его производству. Сотрудники полевой жандармерии 7.04.1943 г. уличили в самогонном производстве судебного исполнителя. В приказе по городскому управлению от 16.04.1943 г. бургомистр констатировал, что проступок совершен работником суда, «стоящего на страже законности», за что полагается суровое наказание. Нарушитель получил небольшой штраф в 200 руб.; бургомистр принял во внимание его удовлетворительную работу и обстоятельства, при которых совершалось нарушение (якобы выгнал самогон на крестины дочери) [7, д. 56, л. 55].

Одним из факторов выживания в тяжелых условиях оккупационной повседневности являлось владение скотом. Право собственности на скот периодически приводило к конф-

ликтам между гражданами. Постановления бургомистра г. Могилева по апелляциям граждан на решения мирового суда интересны в плане иллюстрации повседневной практики владения скотом. Бургомистр г. Могилева 9.06.1943 г. рассмотрел жалобу гражданина на решение мирового суда, обязавшего его вернуть корову гражданке, сестре жалобщика и истице. В ходе судебного разбирательства выяснилось, что истица ранее временно передала корову брату, опасаясь санкций за несдачу молока (молоко не сдавала якобы из-за болезни коровы ящуром). Ответчик заявил, что корова была ему продана за 1000 руб. и 12 пудов зерна, крупы и муки. Свидетели показали, что истица получила от ответчика часть продуктов. Бургомистр, принимая во внимание действия истицы, получившей оплату, а потом попытавшейся аннулировать сделку, решение мирового суда не утвердил и отправил дело на доследование [7, д. 60, л. 13–14]. Дело интересно тем, что конфликт на почве владения коровой происходил между близкими родственниками. Владение коровой как залогом выживания стало выше родственных чувств данных граждан. 17.06.1943 г. была рассмотрена жалоба гражданки, которая отказывалась возвращать истцу 10000 руб. Выяснилось, что истец обменял корову на лошадь, которая через две недели пала. Поскольку ему не сообщили о болезни лошади, он требовал вернуть корову или выплатить компенсацию. Экспертное заключение показало, что у лошади была хроническая болезнь, протекавшая в скрытой форме. Решением суда убытки от падежа лошади были разделены между сторонами пополам, но бургомистр отправил дело на дальнейшее рассмотрение [7, д. 60, л. 17]. 26.06.1943 г. была рассмотрена жалоба гражданина на решение суда, которого обвиняли в присвоении отданного ему на хранение поросенка. Когда истица захотела забрать поросенка, ей был предъявлен другой, меньшего веса, что подтвердил свидетель. Жалоба была оставлена без последствий [7, д. 60, л. 22]. 27.06.1943 г. предметом разбирательства бургомистра стала жалоба гражданина на судебное решение, который судился с другим гражданином относительно размера оплаты за пользование лошадью. Из-за отсутствия четкой аргументации жалоба не была удовлетворена [7, д. 60, л. 30]. Показательна жалоба гражданки на решение суда, постановившего передать лошадь транспортному

1941 г., но бургомистр отметил, что евреи были ограничены в праве распоряжаться имуществом, а значит, лошадь нельзя рассматривать как принадлежащую гражданке, и оставил судебное решение в силе [7, д. 60, л. 33].

В юридической практике периода оккупации зафиксирован случай жестокого обращения с животным. В частности, такое дело было рассмотрено в Могилевском мировом суде 28.10.1942 г. Подсудимый колом избил чужую корову, принадлежавшую другому гражданину, которая случайно зашла в его огород. Факт побоев был подтвержден справкой ветеринарного врача. Корова потеряла удоимость на 50%, и к тому же побои привели к аборту. Владелец коровы оценил убытки в сумму 17850 руб. (оплата лечения, случки коровы и потери молока). За жестокое обращение с животным суд приговорил ответчика к принудительным работам на 5 суток и штрафу в 100 руб. и выплате в пользу потерпевшего 200 руб., в остальном отказал, рекомендовав подать гражданский иск для компенсации указанных убытков. Спустя 35 дней ответчик пытался обжаловать приговор, но юридическое бюро оставило жалобу без последствий [3, д. 495, л. 14, 22].

В период боевых действий лета 1941 г. многие граждане погибли или покинули свое место жительства. Вещи, оставшиеся в брошенных хозяевами квартирах, могли передаваться городской администрацией в пользование другим гражданам, которым выдавался соответствующий ордер. Пользование бесхозным имуществом порождало махинации. В Могилеве 10.02.1942 г. произошел конфликт женщин по вопросу владения буфетом, который обвиняемая силой забрала из квартиры потерпевшей, нанеся материальный ущерб в размере 800 руб. и причинив телесные повреждения. Спорный буфет принадлежал ранее детскому дому и был выдан потерпевшей. Выяснилось, что обвиняемая три года назад произвела обмен мебели с заведующим детским домом, а теперь вознамерилась вернуть бывшее имущество. Юридическое бюро квалифицировало подобные действия гражданки как самоуправство и приговорила ее к штрафу в 600 руб. или аресту на 8 суток в случае несостоятельности [3, д. 185, л. 1, 1 об., 14–15]. Жилищный отдел городского управления 18.03.1942 г. направил в юридическое бюро материалы на гражданина, подделавшего ордер на получение мебели. Нарушитель был оштрафован на 300 руб. [3, д. 247, л. 1, 5].

Жесточайший дефицит порождал злоупотребления со стороны тех, кто был связан с производством и распределением продуктов питания. Сотрудник продовольственно-торгового отдела городского управления и учетчик контрольного стола во время ревизии магазина 19.12.1941 г. выявили махинации с талонами на хлеб, производимые заведующим магазином. В результате изменения чисел на талонах получалось, что хлеб был отпущен потребителям в те дни, когда он в действительности не выдавался. Всего было обнаружено 477 таких талонов на 139,2 кг хлеба. Заведующий был освобожден от занимаемой должности и приговорен к штрафу в 1000 руб. и 14 суткам ареста, замененным на дополнительные 500 руб. денежной компенсации [3, д. 95, л. 1–5, 31]. В феврале 1942 г. следователь полиции рассмотрел материалы по обвинению возчика торгового отдела, доставлявшего зерно на мельницу в Луполово. В ходе следствия выяснилось, что район заготовки зерна находился на значительном удалении от города, вследствие чего не было возможности сдавать его в день приезда. Возчик ехал с ним домой, и сдавал его на мельницу на следующий день, что давало время для махинаций. В некоторых мешках зерно содержало до 5% примеси песка, который досыпался, чтобы компенсировать вес похищенного зерна. Нарушитель был взят под стражу [3, д. 160, л. 4, 17]. За выявленные в ходе проверки злоупотребления билетами 31.07.1943 г. был отстранен от должности и приговорен к двум месяцам принудительных работ кассир городской бани [7, л. 83].

Следствием тяжелейшего материального положения граждан был рост краж общественной и частной собственности. В ноябре 1941 г. к административной ответственности был привлечен житель Могилева за попытку хищения со двора духовной семинарии телефонных столбов на дрова [3, д. 26, л. 2–4, 7–8]. Могилевское юрбюро 26.02.1942 г. рассматривало дело гражданки 1919 г.р., русской, малограмотной, обвиняемой в соучастии в краже. В постановлении юрбюро отмечалось, что она является членом воровской шайки. Во время обыска у нее были обнаружены украденные вещи, поэтому женщина была признана виновной и приговорена к аресту на 14 суток и штрафу в 1000 руб. с заменой штрафа еще на 14 суток ареста в случае неуплаты [7, д. 31, л. 3]. 15.04.1942 г. юрбюро, рассмотрев

уголовное дело по обвинению гражданки в краже домашних вещей, постановило подвергнуть ее к 14-дневному тюремному заключению и штрафу 1000 руб. с заменой на дополнительное 14-дневное заключение в случае неуплаты. Потерпевшей было разъяснено, что она может возбудить иск на сумму понесенного ущерба [7, д. 47, л. 51].

Иногда взрослые могли подстрекать к кражам малолетних. В январе 1942 г. жительница г. Могилева была приговорена к штрафу за подстрекательство детей к воровству вещей из квартиры гражданки. Обвиняемая инициировала кражу, произведенную ее 11-летним сыном и еще одним малолетним, за что была оштрафована на 1000 руб. [3, д. 103, л. 8, 8 об., 12]. Месяц спустя сын гражданки повторно совершил кражу (украл хлеб и мыло), но был пойман. Дело направили в юридическое бюро для наложения взыскания на мать малолетнего нарушителя [3, д. 149, л. 7].

Грабежи могли случаться в светлое время суток. Например, 10.03.1942 г. житель Могилева проник в дом гражданки, в котором находились ее мать и двое малолетних детей, похитил серебряные часы и нанес ранения пожилой женщине, пытавшейся его остановить [3, д. 233, л. 9]. В другом случае на Быховском рынке гражданин похитил из кошельки гражданки 2 куска масла и кусок сала, при задержании один кусок масла у него был изъят, остальное успел реализовать здесь же на рынке. Гражданин 28 лет, глухонемой (для допроса привлекался сурдопереводчик) вину признал и 22.06.1942 г. был приговорен юридическим бюро к 14 дням ареста и 500 руб. штрафа [5, л. 145].

Расследование одной кражи могло вывести на след другой. В марте 1942 г. из квартиры граждан посредством взлома были похищены вещи. Подозрение пало на гражданина, который на допросе свою вину признал, отрицая лишь количество похищенного. Потерпевшая гражданка также созналась в том, что во время переселения евреев в гетто присвоила вещи из их домов, и впоследствии они с обвиняемым не смогли их поделить. Гражданка 1919 г.р., безработная, одинокая, малограмотная, судимая в 1936 г. за уголовное преступление, была приговорена юридическим бюро к 14 суток ареста и 1000 руб. штраф [5, л. 143]. Могли случайно выявляться не зарегистрированные по месту жительства лица. Жительница Могилева 1.09.1941 г. подала в

полицию заявление о краже вещей из ее квартиры, указав, что по соседству проживают предполагаемые грабители. В ходе полицейского расследования подозрения не подтвердились, однако было установлено, что данные граждане проживали без регистрации, за что были оштрафованы [3, д. 12, л. 3–6, 8].

Жители города и окрестностей не только нарушали порядок регистрации, но и игнорировали комендантский час и запретные для передвижения гражданское населения зоны. Так, две горожанки 17.01.1942 г. были задержаны полицейским во время комендантского часа, за что их оштрафовало юридическое бюро на 50 руб. каждую с заменой двухдневным заключением в случае неуплаты штрафа [3, д. 163, л. 1, 6]. В апреле 1942 г. на станции Могилев патрульным была задержана переходившая железнодорожные пути гражданка, ее приговорили к пяти дням принудительных работ, отбыть которые следовало на той же железной дороге. На допросе она подтвердила, что была информирована о запрете хождения по железной дороге [3, д. 220, л. 2, 4].

Имели место нарушения режима светомаскировки. Могилевский мировой суд 28.07.1942 г. за нарушение режима светомаскировки приговорил двух гражданок к штрафу в 50 руб. [5, л. 82]. Два дня спустя было рассмотрено дело по обвинению гражданина в нарушении правил светомаскировки. Гражданин признал вину, заявив, что зажег лампочку для осмотра больного ребенка. Очевидно, это обстоятельство было принято судом во внимание, и гражданина приговорили к незначительному штрафу в 50 руб. с заменой двумя сутками ареста в случае несостоятельности [5, л. 85]. В ноябре 1942 г. на имя городского головы Могилева поступило прошение гражданки об отмене штрафа за несоблюдение светомаскировки. Гражданка заявила, что окно ее комнаты выходит в огород, всегда завешено, нет никакого источника света, кроме коптилки, в другой комнате проживает семья полицейского, их окна выходят на улицу и не завешиваются, и когда патрульные полицейские увидели в доме свет, то, не разобравшись в ситуации, оштрафовали ее [5, л. 169].

На заседаниях мирового суда рассматривались дела, связанные с нарушением общественного порядка, обвинением граждан в азартных играх, бытовые конфликты. Так, житель

Могилева 27.11.1941 г. был арестован за то, что, будучи в состоянии алкогольного опьянения, сквернословил и нападал на прохожих. Во время допроса он признал свою вину, хотя не смог вспомнить произошедшее, и был оштрафован на 100 руб. [3, д. 38, л. 4–6]. Четверо могилевчан 8.12.1941 г. были арестованы на квартире во время игры в карты на деньги (игра «в очко»). Задержанным инкриминировалась систематическая игра в карты по крупным ставкам, и проигравшие часто расплачивались вещами (были конфискованы норковое пальто, пара сапог и 2500 руб.) [3, д. 82, л. 4–5, 13]. Происходили ссоры между супругами на почве подозрения в измене. Гражданин избил супругу, что подтверждалось медицинской справкой и показаниями свидетелей. Гражданин работал на шелковой фабрике и был 30.06.1942 г. приговорен юридическим бюро к 5 суткам принудительных работ по месту его работы, а также к штрафу в 300 руб. [5, л. 144].

Городская администрация фиксировала нарушения порядка пользования средствами связи. В декабре 1941 г. жительница Могилева была подвергнута аресту на трое суток за хранение дома радиоприемника вопреки распоряжению немецких властей об их сдаче до 7.11.1941 г. [3, д. 21, л. 7, 7 об., 10]. Юридическое бюро г. Могилева 27.10.1943 г. в ответ на требования радиоузла наказать пятерых граждан за самовольное включение радио затребовало акты о правонарушениях; 20.03.1943 г. мировой суд постановил подвергнуть нарушителей штрафу на сумму от 100 до 200 руб. [3, д. 576, л. 13, 15].

Заключение. Таким образом, в условиях нацистской оккупации гражданское население Беларуси вынуждено было приспосабливаться к новым социально-политическим условиям. Одни вспоминали свои старые навыки и занимались ремеслом, другие, при утрате традиционных средств к существованию, торговали. При этом в условиях оккупации и чужой власти они не считали зазорным эту власть обманывать путем неуплаты налогов, игнорирования патентов и запретов и т.д. Стали распространяться элементы девиантного поведения, не характерные для большинства граждан в нормальной и обычной жизненной ситуации. Дефицит продуктов питания, карточная система распределения продовольствия среди городского населения, нехватка топлива вынуждали некоторых горожан к присвоению

частной или государственной собственности, злоупотреблению чиновниками властью в личных интересах Тяжелые жизненные условия, психологические стрессы, боязнь за жизнь своих детей и родственников способствовали бытовым конфликтам.

Литература

1. Беларусь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 / А.А. Коваленя (руководитель авторского коллектива) [и др.]. – Минск: БЕЛТА, 2005. – 544 с.
2. Беларусь. 1941–1945: Подвиг. Трагедия. Память: в 2 кн. / Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории; редкол.: А.А. Коваленя (председ.) [и др.]. – Минск: Беларус. навука, 2010. – Кн. 1. – 480 с.; Беларусь. 1941–1945: Подвиг. Трагедия. Память: в 2 кн. / Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории; редкол.: А.А. Коваленя (председ.) [и др.]. – Минск: Беларус. навука, 2010. – Кн. 2. – 358 с.
3. Государственный архив Могилевской области (ГАМог). – Фонд 257. – Оп. 1. – Д. 51.
4. ГАМог. – Фонд 271. – Оп. 1. – Д. 22.
5. ГАМог. – Фонд 255. – Оп. 1. – Д. 15.
6. ГАМог. – Фонд 269. – Оп. 1. – Д. 80.
7. ГАМог. – Фонд 260. – Оп. 1. – Д. 66.

Поступила в редакцию 18.06.2015 г.